

жена“, которая отравила Скопина (крестины были у князя Ивана Михайловича Воротынского, Скопин был кумом жены князя Дмитрия Ивановича Шуйского, крестника звали Алексеем); отъезд заболевшего князя к матери и укоризненная речь матери; сообщение о смерти Скопина. Есть варианты, помнящие и погребение князя в „колоде белодубовой“ (в повести — колоду по росту едва нашли) у „Михаила Архангела“, т. е. в Архангельском соборе, где и по повести похоронили Скопина.¹

Таким образом вся историческая основа этой песни о смерти Скопина, правильно передающая ход событий, предшествовавших его неожиданной болезни, свидетельствует о том, что песня сложилась вскоре после похорон князя, что ее сложил, повидимому, свидетель торжественного погребения князя и участник его похода против интервентов. Но в историческую основу вплетены привычные эпические эпизоды, применены характерные приемы эпического стиля: повторяющейся формулой, например, трижды дан перечень врагов, которые „облегли“ Русское государство; как в былинне, Скопин на пиру порасхвастался, и этим, по схеме былинного рассказа, объясняется боярская злоба на него; самый пир описан в привычных выражениях былинного пира князя Владимира, и т. п.

Автор „Писания о преставлении“ Скопина-Шуйского, дойдя до сообщения о приезде воеводы в Москву, резко изменил тон своего рассказа, его торжественную риторику типа жизнеописаний Степенной книги, и повел речь, следуя за устной песней, в той ее части, где описывалось отравление Скопина. Однако в повести отсутствует эпическая завязка действия, которая происходит в песне на пиру и которая, возможно, привнесена в народную песню позднее (по-былинному пирующие порасхвастались, похвалился и Скопин тем, что он „очистел царство московское“, что ему за это „славу поют до веку“; „боярам за беду стало“ это хвастовство, и они его отравили). Автор повести, видимо, знает хорошо действительные причины вражды к Скопину бояр. В самом рассказе об отравлении Скопина автор дополнил некоторыми фактическими подробностями песенную канву, ввел несколько книжных украшений, изменивших ритм песенного эпизода, но не захотел устранить своеобразных его черт. Характерно самое отношение этого автора к устной исторической песне как к вполне достоверному источнику. Вместе с тем, не менее показательно смелое соединение им пышной риторики книжного исторического повествования с типичным эпическим языком, в XVII веке еще достаточно устойчивым не только в передаче старых былин, но и у создателей песен о современных им событиях.

Исключив из этого эпизода повести явно не песенные выражения и новые, сравнительно с песней, фактические подробности, мы в общем довольно точно представим себе облик устной песни о смерти Скопина, как она звучала вскоре после своего создания: повесть „Писание о преставлении“ моложе песни не более чем на два-три года.²

¹ Об исторических элементах песен о Скопине см.: В. Ф. Ржигга. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. Известия Академии Наук по Отделению Русского языка и словесности, т. I, кн. 1, 1928, стр. 81—133.

² И как будет (после честного стола) пир на весело
(И дьявольским омрачением злодеянища) та княгиня Марья кума подкрестная
Подносила чару пития куму подкрестному
И была челом, здоровала с крестником (Алексеем Ивановичем)
И в той чаре (в питие) уготовано (лютое) питие смертное